- кандидатов в присяжные заседатели федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23.05.2005 № 320 / Доступ из справочно-правовой базы Гарант.
13. Об утверждении Порядка организации деятельности судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов: Приказ Федеральной службы судебных приставов от 17.12.2015 № 596 / Доступ из справочно-правовой базы Гарант.
 14. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Модельный закон (принят постановлением на двенадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 8 декабря 1998 г. N 12-9) / Доступ из справочно-правовой базы Консультант
 15. Рекомендации о порядке составления списков присяжных заседателей: Министр юстиции Российской Федерации. от 30.09.1993 г. / Доступ из справочно-правовой базы Консультант.
 16. Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве: Заключение Консультативного Совета Европейских судей для Комитета Министров Совета Европы N 18(2015) / Доступ из справочно-правовой базы Консультант.
 17. Новгородская судная грамота. 1471 г. / Российское законодательство X–XX вв. Т.1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 303–304.
 18. О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний: Инструкция народного комиссариата юстиции от 19.12.1917 г. / Доступ из справочно-правовой базы Консультант.

Лисицына Е.Н.

**Правовая природа прецедентного нормотворчества европейского суда
по правам человека**

*Тамбовский государственный технический университет
(Россия, Тамбов)*

doi:10.18411/spc-22-11-2018-04

idsp: spub-22-11-2018-04

В том, что касается нормотворчества Европейского Суда по правам человека, среди исследователей сегодня нет существенных разногласий. В силу того, что решения Суда не обладают обязательной юридической силой для национальных судов, решения Европейского Суда трудно назвать прецедентами в полном смысле этого слова. При этом судебная практика является источником права – это также признается всеми. В качестве примера можно указать статью 6 Конвенции, которая не предусматривает защиту права на доступ к правосудию, но которое, тем не менее, однозначно признано Судом именно на основании данной статьи.

Важно отметить причину, по которой Европейский Суд придерживается прецедентной практики по своим делам. Во-первых, стоит отметить, что система прецедентов предоставляет в наибольшей степени свободу в толковании Конвенции, нормы которой сформулированы довольно скупо. Во-вторых, эволютивный подход Европейского Суда к толкованию норм Конвенции требует постоянно повышающейся эффективности применения ее норм. Эту же точку зрения разделяет Энтин М.Л. В комментариях к разделам о конвенционных контрольных органах он пишет: «однажды проиграв дело, государство может быть уверено в том, что и по всем другим жалобам аналогичного характера будут вынесены такие же решения.... Поэтому все участники Конвенции заинтересованы в том, чтобы на постоянной основе отслеживать практику ее контрольных органов, не принимать противоречащие этой практике нормативные акты».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система прецедентов Европейского Суда позволяет сохранять преемственность применения норм права, выработанных в рамках Конвенции, при этом оставляя возможность гибкого развития механизма защиты прав человека по мере общественного развития. Более того, необходимость следовать прецедентному праву находит отражение и в самой практике Европейского Суда.

Так, например, в решении по делу Косси Суд подчеркнул, что следование прецедентам позволяет придерживаться принципа «правовой определенности и законных ожиданий». В процессе применения прецедентов нельзя обойтись без явных нормативно-правовых обобщений, которые и представляют собой результат нормотворчества Европейского Суда. Как указывает Люциус Вильдхабер, Председатель Европейского Суда, «прецедентам следуют регулярно... для достижения единообразия, последовательности и определенности». В таком случае применение нормы права, закрепленной в предыдущем судебном решении, зависит от совпадения фактов каждого последующего дела, поскольку мотивировка решения в данном случае должна совпадать. Европейский Суд указал в вышеупомянутом решении по делу Косси, что отклонение от ранее принятых решений будет возможно лишь по «убедительным основаниям», среди которых может быть необходимость дальнейшей эволюции права Конвенции, чтобы «толкование Конвенции отражало изменения в обществе и находилось в соответствии с требованиями сегодняшнего дня».

Ученые признают, что Европейский Суд следует нормам права, принятым в решениях в предыдущих делах, но также подчеркивает ряд трудностей, с которыми приходится сталкиваться при определении единого *ratio decidendi*, т.е. мотивировки решения, что составляет квинтэссенцию прецедента. В качестве примера подобных трудностей можно привести вопрос о высылке «иммигрантов второго поколения» или «интегрировавшихся иностранцев». Вильдхабер считает, что потребовался целый ряд решений для того, чтобы выработать прецедент: начиная от дела Мустакима (решение от 18 февраля 1991 года) и заканчивая делом Буйлифа (решение от 21 октября 1997 года).

Учитывая эти сложности, Европейский Суд в своей практике выработал порядок «отделения» более ранних дел. Так, например, если факты по делу идентичны или существенно сходны с теми, которые фигурировали в предыдущем деле, Европейский Суд стремится применять ту норму права, которая была разработана в прецеденте. Лишь в том случае, когда факты по делу существенно отличаются, применяется методика «отделения более ранних дел». В качестве примера такого «отделения» можно привести серию дел, связанных с вопросом максимально допустимого срока предварительного заключения. Так, например, в деле Томази против Франции Суд сформулировал норму права, согласно которой предварительное заключение длительностью 5 лет и 7 месяцев не может быть оправдано ничем, включая необходимость защиты свидетелей и общественного порядка, а также особой сложностью дела. В данном решении факты были таковы: против Томази было выдвинуто обвинение в организации вооруженного нападения, в результате которого погиб один человек и еще один получил серьезные увечья. В другом деле, где были установлены практически идентичные обстоятельства дела, *W. contre Suisse*²⁸⁰ Заявитель в данном деле был обвинен в мошенничестве с использованием служебного положения и совершении ряда других преступлений. В ходе судебного слушания, которое длилось более 4 лет, он находился в предварительном заключении. В данном деле Европейский Суд признал обоснованность столь длительного содержания под стражей (превышающего 4 года) лишь в случае «исключительных обстоятельств», таких как особая сложность совершенного преступления, а также для охраны общественного порядка и предотвращения давления на свидетелей. Таким образом, «выделение», т.е. ситуация, когда Европейский Суд не следует решениям по предыдущим делам, представляет собой не столько создание нового прецедента, а развитие уже имеющегося.

Два решения по делам с идентичными обстоятельствами содержат различные нормы, касающиеся определения правомерности продления предварительного заключения.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: доктрина прецедента широко применяется в Европейском Суде по правам человека. Как представляется, слияние Суда и Комиссии будет способствовать лишь развитию нормотворчества. Европейского Суда, позволит создать более оперативную, эффективную и четкую систему защиты прав человека на европейском уровне. Практика Суда и доктрина прецедента будет соблюдаться, если нет непреодолимых, серьезных и объективных причин не соблюдать их.

Кроме того, стоит упомянуть о том, что именно в этом, по всей вероятности, и заключалась сама идея деятельности Суда по правам человека, выраженная в статье 35 Конвенции. Статья 35, в которой речь идет об условиях приемлемости жалоб, подаваемых в Европейский Суд, говорит: «Суд не принимает никакую индивидуальную жалобу..., если она ... является по существу аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом».

Особенность системы прецедентов, созданной Европейским Судом по правам человека, заключается в том, что решения Суда лишены четкого правового механизма их реализации в государствах-членах. Согласно статье 46 Конвенции, государства – участники «обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами». Однако даже Комитет министров, которому по той же статье поручено осуществлять надзор за исполнением решений Суда, не имеет реального механизма принуждения государства к исполнению решения.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. / Доступ из справочно-правовой системы Гарант.
3. Регламент Европейского Суда по правам человека (ред. От 01.01.2016 г.) [Электронный ресурс] / URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_RUS.pdf (дата обращения 25.11.2017).
4. Устав Совета Европы (Лондон, 5 мая 1949 года) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1390.
5. Analysis of statistics 2016. [Электронный ресурс] / URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2016_ENG.pdf (дата обращения 25.11.2017).
6. Charter of Fundamental Rights of the European Union (Nice, 7 December 2000) [Электронный ресурс] / URL: https://www.cvce.eu/obj/charter_of_fundamental_rights_of_the_european_union_nice_7_december_2000-en-bd4834f5-deff-4ad0-abdf-071ae4a85edf.html (дата обращения 25.11.2017).
7. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учебник для вузов / под ред. Л. М. Энтина. М., 2007. 380 с..
8. Кучин М.В. Прецедентное право Совета Европы и правовая система РФ: проблемы взаимопонимания // Правоведение. 2001. № 1. С. 50-52.

Переверзева А.Е.

**Деформация личности адвоката и юридические последствия проявления
данного феномена**

*Челябинский государственный университет
(Россия, Челябинск)*

doi:10.18411/spc-22-11-2018-05

idsp: spub-22-11-2018-05

Избрание в качестве профессиональной деятельности адвокатуру автоматически возлагает на лицо определенные требования относительно гражданской позиции, внутреннего «морального стержня», нравственных ценностей и принципов, психического и духовного здоровья. «Издержки профессии» нередко являются причиной профессиональной деформации личности адвоката, крайней формой выражения которой является правовой нигилизм. Крайняя степень такого